

лѣе, до сихъ поръ однако не могли они приступить къ сѣву своихъ озимей, не смотря на то, что время сѣва давно уже настало.

В. И. День захѣтилъ: „О посѣвахъ вообще—надо бы напомнить по уѣздамъ чрезъ мировыхъ посредниковъ.“

Другое сообщеніе Фатежскаго предводителя касается дѣятельности мирового сѣзда и вопроса объ открытіи въ уѣздѣ волостей. „19-го августа, писалъ князь Мещерскій, мы открыли мировой сѣздъ, безъ члена отъ правительства, занятаго уголовнымъ дѣломъ въ Суджѣ. Разобрано было одно дѣло. Рѣчь объ уставныхъ грамотахъ ограничилась лишь тѣмъ, что посредники и прибывшіе на сѣздъ дворяне выражали о томъ, что до настоящаго времени не высланы еще формы грамотъ и бланки, что столь удобное время для составленія грамотъ и поѣрки ихъ въ ватурѣ, по полямъ, проходить невозвратно (sic!), съ покрытіемъ же полей снѣгомъ невозможны никакія поѣрки урочищъ, столь затруднительныя еще отъ огромной череполосности въ уѣздѣ. Мировые посредники, по словамъ предводителя, заявили, что крестьяне подъ видомъ неповиновенія обнародованныхъ правилъ и подъ предлогомъ *будто бы* предоставленныхъ имъ правъ, усиливается получить пользованіе большими и лучшими угодьями, а отъ возложенныхъ на нихъ повинностей стараются уклониться; въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ крестьяне самовольно вздумали *смигнуть* сельскихъ старостъ; но мѣры, указанныя 32-й ст. *Положенія*, оказывались къ счастью достаточными для возстановленія тишины и порядка.

Вслѣдствіе неоткрытія волостей, крестьянскаго управленія во всей его полнотѣ не существуетъ, а не открыты волости по неприсылкѣ губернскихъ присутствіемъ распределенія селеній на волости; съ открытыми же сельскими обществами крестьяне далеко еще не свыклись. По моему мнѣнію, если бы существовали въ уѣздѣ волости и волостные старшины, то трудъ посредниковъ былъ бы весьма облегченъ и крестьяне непремѣнно привыкли бы къ новому порядку. *)

*) Предводитель дворянства Фатежскаго уѣзда не разъ въ своихъ сообщеніяхъ губернатору указывалъ на небрежность крестьянъ по отношенію къ полевымъ работамъ и невозможно внести, по его мнѣнію, цѣны за вольныя работы. „За сжатіе 1 дес., писалъ онъ, цѣна доходила до 4 р. сер., за скошеніе и связаніе озимой десятины до 1 четверти ржи и болѣе, а за возку и притомъ недалеко—спрашивали *баснословную* цѣну: 20 коп. съ конны. Крестьяне и съ своихъ работъ возвращались рано, выѣзжали на нихъ поздно, не дорожили временемъ, стали пить много вина, развѣзжать другъ къ другу въ гости и на всевозможные базары и ярмарки, продавая на нихъ часто необход. мое въ хозяйствахъ; причину этой распущенности я вижу въ рѣзкомъ переходѣ крестьянъ изъ подъ строгаго наблюденія и сильной власти къ слабому, неуважаемому еще, а часто и непризнаваемому вовсе властямъ. А урожай нынѣшняго года въ мѣстности нашей далеко не обильный; травы, по причинѣ холодной весны, были очень бѣдны и дали лишь половину противъ хорошаго укоса, рожь становилась только около 10 коп. на десятинѣ, пшеница—около того же количества, а овесъ гораздо менѣе, а именно отъ 4-хъ до 8-ми копеекъ только, причемъ поздній овесъ былъ столь бѣденъ зерномъ и низокъ ростомъ, что съ трудомъ косился и не оплатилъ трудовъ на посѣвъ его“.